

На лице Цзян Чэна читалось смущение, скрытое за нарочитой хулиганской бравадой. Он сказал:

— Мы учились в одной школе. Я был на несколько классов старше, можно сказать, твой старший.

Удивление Гу Цинчэна быстро сменилось неловкостью. Он держал сигарету в руке и улыбнулся:

— Правда... Я совсем не помню. Ты тоже учился в Седьмой школе?

— Я даже как-то перегораживал тебе дорогу, но, к сожалению, ты не помнишь.

Гу Цинчэн протянул «Ооо», и в этом звуке скрывалось несколько смыслов. Первый был ненастоящим, выражая что-то вроде: «А, так это был ты, я вспомнил, извини, что не узнал сразу». Вторым был искренним, выражая: «Правда? Мы встречались?». Затем он рассмеялся, хотя смех вышел немного натянутым, потому что он не был уверен, насколько правдивы слова Цзян Чэна.

— Однако кое-что не изменилось, — задумчиво произнес Цзян Чэн. — Ты и тогда смотрел на меня, как на какого-то опасного хищника, как на хулигана. И вот, спустя столько лет, ты все так же на меня смотришь.

Гу Цинчэн уставился на Цзян Чэна, но в его голове крутились не смутные воспоминания о нем, а мысль: многие говорили, что он плохо разбирается в людях, но, оказывается, еще в юности он смог разглядеть в Цзян Чэне настоящую сущность! Уже тогда он понял, что Цзян Чэн — не самый лучший человек, и позже тот даже пытался переспать с ним. Видимо, он не ошибался!

Гу Цинчэн был единственным ребенком в семье, и, по логике, должен был быть родительской любимицей. Но он родился в период, когда началась волна трудовой миграции на юг. Его родители тогда не имели постоянной работы и, чтобы заработать, тоже отправились на юг. Ему было всего три-четыре года. Он рос у бабушки и дедушки. Его дедушка работал на кухне в школе, а бабушка была уборщицей. Они жили немного лучше обычных крестьян, но по сравнению с городскими они все еще отставали, принадлежа к тем, кому «не богато, но живет». Родители регулярно отправляли деньги из своих заработков, никогда не экономя на нем. В целом, детство Гу Цинчэна было беззаботным.

Его семья очень ценила образование, и он учился в лучшей местной школе — Седьмой школе.

К сожалению, он с детства не был прилежным учеником, часто проваливал экзамены, но он очень старался. Это было его главной печалью — он вкладывал все силы в учебу, но не мог добиться успеха, в то время как некоторые одноклассники учились почти без усилий. Еще в детстве Гу Цинчэн понял, что человеку не дано спорить с судьбой. Некоторые вещи действительно вызывают чувство бессилия.

Но о Цзян Чэне он действительно ничего не помнил.

Возможно, это и не удивительно, ведь они, скорее всего, были из разных кругов. Хотя Гу Цинчэн был двоечником, он был тихим и старательным, предпочитал общаться с успевающими ребятами. А Цзян Чэн... Судя по его нынешнему поведению, в школе он, вероятно, был хулиганом, не обязательно задиравшим других, но точно вел себя высокомерно, курил, пил и дрался.

Цзян Чэн, глядя на его выражение лица, вероятно, понял, что в памяти того не осталось ничего о нем, и с усмешкой сказал:

— Неудивительно, что ты меня не помнишь. Ты тогда был довольно высокомерным, школьный красавчик, многим нравился.

Гу Цинчэн замер, в его памяти мелькнуло что-то смутное, как будто кто-то, похожий на Цзян Чэна, действительно был в его жизни, но не более того. Он был застенчивым и скромным, не типичным «школьным красавчиком», возможно, из-за своей замкнутости и нежелания общаться с незнакомыми людьми. Из-за этого он часто производил впечатление высокомерного, но те, кто знал его близко, понимали, что он был очень приятным человеком.

Он осторожно спросил:

— Ты тогда в школе был, наверное, из тех, кто на слуху?

Несмотря на его деликатность, Цзян Чэн уловил скрытый смысл и спросил:

— Что ты имеешь в виду под «на слуху»?

Конечно, он имел в виду местных хулиганов, которых все избегали.

Гу Цинчэн улыбнулся:

— Ну, очень известным.

— Я не был так известен, как ты.

— Я был известен?

Гу Цинчэн не считал, что его школьные годы были чем-то примечательным. В отличие от поколений 90-х и 00-х, их время было более консервативным. Хотя он был симпатичным, тогда он не умел одеваться, носил длинные волосы. У него была одноклассница, которая проявляла к нему некоторую симпатию, но это было лишь легкое увлечение. Он не получал писем с признаниями и сам не писал их. Его жизнь была однообразной, с постоянным маршрутом «дом-школа». Друзей у него было немного, и все они учились лучше него. Самым тяжелым временем в школьной жизни Гу Цинчэна был восьмой класс, когда он почему-то попал в поле зрения местных хулиганов, и ему здорово досталось.

Вспомнив об этом, Гу Цинчэн взглянул на Цзян Чэна, думая, не был ли он одним из тех, кто его тогда обижал. Но, подумав, он понял, что даже тех хулиганов он не помнит.

Он был слишком труслив: когда его били, он просто закрывал голову руками и молчал, или, увидев их издали, сразу убегал.

Два земляка встретились, и оказалось, что они уже виделись раньше, но один помнил все очень четко, а другой не помнил ничего. Это было довольно неловко. Однако, к счастью, Гу Цинчэн заметил знакомую машину, припаркованную у обочины, и увидел, как водитель Цзян Чэна вышел из машины, раскрыл большой зонт и быстро направился к ним.

Он быстро встал, словно наконец получив освобождение, и с радостью повернулся к Цзян Чэну. Но тот, увидев его выражение, слегка нахмурился, однако ничего не сказал, только произнес:

— Пойдем. Подвезу.

Вернувшись домой, Гу Цинчэн сразу же позвонил Сяо Тану и строго наказал:

— В будущем все приглашения от господина Цзяна, будь то работа или ужин, сразу отклоняй. Не ставь сестрицу Хун в неловкое положение, отказывайся с вежливым предлогом.

Сяо Тан удивился:

— Что случилось? Господин Цзян пригласил тебя не только на ужин? Еще что-то было?

Гу Цинчэн замер, затем строго сказал:

— Нет, только ужин, больше ничего.

— Тогда чего ты боишься? Словно он тебя съест.

Гу Цинчэн шлепнул Сяо Тану по голове:

— Ты же знаешь, что за человек Цзян Чэн. Эти богачи, вдруг он из тех, кто и мужчин тоже любит? Я не боюсь, что он что-то сделает, если он посмеет, я его одним ударом уложу. Я боюсь, что это увидят журналисты. У него плохая репутация, и если пойдут слухи, что он еще и мужчин любит, я тогда никогда не отмоюсь. Мне еще жениться нужно, ты не представляешь, как страшны слухи, особенно сейчас, когда интернет и журналисты любят раздувать такие скандалы.

— Это же тоже способ пиара...

— Я нормальный парень, я еще ни разу нормально не встречался, зачем мне такой пиар? Если все испортится, как я дальше жить буду?

Сяо Тан кивнул:

— Да, у господина Цзяна действительно плохая репутация, и, возможно, не без оснований. Когда мы разговаривали, я незаметно наблюдал за ним, и от него словно исходил феромон неудовлетворенного желания.

Гу Цинчэн замер. Он сам не мог понять, что за чувство вызывал у него Цзян Чэн, но, услышав слова Сяо Таня, понял, что тот попал в точку. Но если даже Сяо Тан заметил его неудовлетворенность, это было действительно удивительно.

— Да, таких людей лучше избегать, ничего хорошего от них не жди.

После того как Сяо Тан ушел, Гу Цинчэн принял душ, заварил себе чай для здоровья и сел у окна, наблюдая за дождем. Внезапно он словно что-то вспомнил, быстро подошел к компьютеру и набрал в поиске «Цзян Чэн».

<http://bllate.org/book/16564/1512450>